

СВЕТЛАНА МАРЧУКОВА

Санкт-Петербургский союз ученых. Комениологическая секция

"ШКОЛА СТАРОСТИ" В НАСЛЕДИИ ЯНА АМОСА КОМЕНСКОГО¹

"School an old age" in the heritage of Jan Amos Comenius

The article is devoted to the basic provisions and the current value of the doctrine of the "school an old age" in Comenius heritage. For the study indicated problems the author uses the methodological principle of trinity, designed to help achieve a balance between the rational, emotional and intuitive aspects of knowledge. The semantic field of the system are considered the triad of three works of Comenius, *Labyrinth of the World and Paradise of the Heart*, *Pampediya* and *The only thing you need*.

Keywords: John Amos Comenius, the school an old age, the trinity, rational, emotional and intuitive aspects of the knowledge of the world, God and man

*Как для всего рода человеческого весь мир — это школа, от начала и до конца веков, так для каждого человека его жизнь — школа, от колыбели до гроба; и мало сказать вместе с Сенекой: «Учиться ни в каком возрасте не поздно», но надо говорить: каждый возраст предназначен для учения, и одни и те же пределы отведены человеческой жизни и человеческой школе.
Я. А. Коменский. Пампедия*

Учение Коменского о «школе старости» было намечено автором в раннем сочинении *Лабиринт света и рай сердца (Labyrint sveta a raj srdce*, далее – *Лабиринт света*) и разработано, главным образом, в поздних трудах – *Пампедия (Pampaedia)*, четвертая, центральная часть *Всеобщего совета об исправлении дел человеческих (De rerum humanarum emendatione consultatio catholica*, далее – *Всеобщий совет*) и трактате *Единственно необходимое*,² (*Unum necessarium*), который называют «духовным завещанием» автора.

¹ Статья написана при поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ, проект № 17-06-00075.

² В названии трактата скрыта отсылка к Евангелию. В 1869 г., в преддверии

Представляется целесообразным рассмотреть эти три сочинения, используя принцип троичности, актуальный как для истории педагогики в целом, так и для историко-педагогического аспекта комениологии³. В Международной библиографии тринитарной литературы (*Bibliotheka Trinitariorum*) объединено около шести тысяч исследований, прослеживающих судьбу тринитарной идеи, переход от бинарного к тернарному (троичному) основанию в современных научных исследованиях. Здесь отражена роль Я. А. Коменского в становлении идеи троичности, отмечено явное уменьшение интереса к ней в эпоху Просвещения и её современное возрождение⁴.

подготовки к 200-летию со дня смерти Коменского (1592-1670), в *Трудах Киевской Духовной Академии* был напечатан перевод биографического очерка Ф. Палацкого о Коменском, а в приложении к нему приводилась одна из глав позднего сочинения *Unum necessarium*, переведенное как *Единое есть на потребу*. В этой церковнославянской фразе отражена скрытая в названии отсылка к Евангелию (Лк 10, 41-42: Иисус у Марфы и Марии).

³ Подробнее об этом – см. Марчукова 2013. Методологический принцип троичности используется в современной комениологии для исследования как отдельных трудов Коменского, так и его наследия в целом. Приведем несколько примеров:

- М. Ципро объединяет *Аналитическую дидактику, Пампедию и Великую дидактику* с целью выявления динамики развития, «изгибов», «многослойности» наследия Коменского (Cipro Miroslav: *Wisdom as a complex education aim in Comenius's Conzept*, in: *Symposium Comenianum 1986* : «J. A. Comenius's contribution to world science and culture», *Českosl. akademie věd, Ped. ústav Jana Amose Komenského*. Prague 1989, p. 123–128);

- А. К. Тремл объединяет в триаду *Лабиринт света и рай сердца, Великую дидактику и Мир в картинках*, что позволяет автору сделать заключение о том, что эти три сочинения Коменского демонстрируют движение разных соотношений формы и содержания внутри единой педагогической системы (Tremel Alfred Karl: *Die utopische und reale Dimension in den Schriften des Johann Amos Comenius*, in: / *Comenius und der Weltfriede/ Deutsche Comenius-Gesellschaft* ; Hrsg. Werner Korthaase, Sigurd Hauff, Andreas Fritsch. Berlin 2005, s. 858–873);

- Х. Шмид рассматривает педагогическую теорию Коменского в триаде с педагогическом аспектом учений Августина и Аквината, исследуя эволюцию религиозного аспекта европейской педагогики в историко-культурном контексте (Schmid Herta: *Comenius' pädagogische Theorie im Vergleich mit Thomas von Aquin und Aurelius Augustinus*, in: *The Legacy of Johannes Amos Comenius to the culture of education : intern. conf. Ped. Museum of J. A. Comenius*. Prague 2007, p. 25).

⁴ Подробнее об этом: Шадель Эрвин: *Пансофия Коменского как гармоничное единство познания мира, себя и Бога*, в: «Картина мира: наука, философия и религия»: *Материалы международной научно-практической конференции*. Санкт-Петербург 2009, с. 13–30. Троичность, по мнению Э. Шаделя, является «основным концептом» пансофического - «целостного, внутренне

Актуальность обращения к троичности определяется необходимостью целостного рассмотрения проблемы в единстве рационального, эмоционального и интуитивного представления о «школе старости»⁵. Необходимо подчеркнуть, что троичность, в соответствии с семантической формулой системной триады «рацио – эмоцио – интуицию» (Р. Баранцев, Э. Шадель), обозначает *доминирование*, а не исключительное присутствие лишь одного из смысловых начал (рационального, эмоционального или интуитивного) в трех обозначенных сочинениях. Семантические свойства системных триад связываются со способностью человека мыслить одновременно понятиями, образами, и символами.

Современный социокультурный контекст этой трехмерной модели, отражающий актуальность троичности в методологии непрерывного образования, раскрывается в тезисе У. Эко о цели существования человека в мире как поиске «вершины воображаемого конуса, в которой все различия и все разрывы окажутся вновь стянутыми вместе» (Эко 2006, 462). Эта объемная структура вызывает ассоциации с современной педагогической эпистемологией, которая рассматривает пространство становления личности в любом возрасте как открытое трехмерное пространство, в котором постоянно происходят процессы формирования и развития скрытого, «тацитного» (М. Полани) личностного знания.

Объединяя три равноправных элемента в многомерной (трехмерной) структуре, системная триада как простейшая структурная ячейка делает синтез органическим дополнением анализа. Прообраз системной триады отражен в известных трихотомиях Коменского⁶. К. Шаллер, «Нестор современной комениологии» (E. Langerfeld), раскрывает значение троичности как одного из основных философско-

упорядоченного и системно связанного знания», условием достижения «целостной совокупности» знаний, фундаментом «трихотомий» Коменского.

⁵ Здесь уместно вспомнить о педагогическом аспекте неоплатонизма Коменского. Так, в *Законах* Платона утверждается необходимость рассматривать все фазы жизни в их целостности. Пансофическое стремление к целостности, единству в общем порядке жизни человека отражено у Коменского в *Лабиринте света* и неоднократно подчеркивается во *Всеобщем совете*. Подробнее о дополнительности рационального, эмоционального и интуитивного аспектов троичности см.: Баранцев Рэм: *Становление тринитарного мышления*. Москва – Ижевск 2005.

⁶ Одна из основных трихотомий – «чувство, разум и Откровение» (*Великая дидактика*). В семантическом поле системной триады она соотносится с эмоциональным, рациональным и интуитивным аспектами знания.

педагогических принципов, актуальных для нашего времени (Schaller 2004, 140). С осмыслением трихотомий Коменского в социокультурной ситуации современного мира философы и педагоги связывают «новый взгляд» (R. Pytlík) на его педагогическое наследие, отражающий восприятие основоположника педагогической науки как оригинального мыслителя XVII века, который «мыслил интегральными триадами» (W. Totok). В качестве такой триады мы и рассмотрим три сочинения Коменского: *Лабиринт света*, *Пампедию* и *Единственно необходимое*.

В сопровождении двух слуг, Всеведа и Обмана главный герой драмы *Лабиринт света*, Странник, путешествует по «царству царицы мудрости» или по «рынку»⁷ людской жизни не как властитель, или воин, или слуга, а как наблюдатель, изучающий все проявления человеческих заблуждений. Обращенный не к детям, а к людям взрослым, *Лабиринт света* предлагает читателю вместе со Странником «посмотреть все человеческие дела» и представляет широкую панораму «мудрых старцев» разных сословий. Это «домашнее сословие» (родители, дети и слуги), ремесленники и промышленники, ученые, духовенство, сословие правителей и начальников, и, наконец, сословие воинов, которые хотят «дать крылья смерти»:

В то время, как я осматривал их, услышал, что они говорят между собой разными языками, так что по большей части не понимают друг друга, не отвечают или отвечают не на то, о чём идет речь, притом каждый по – своему. В одном месте стояла целая толпа, все говорили о нужде, каждый о своей, и никто не слушал другого, хотя некоторые и толкались, и злились, желая быть выслушанными, но – увы! – этого не было: скорее были ссоры и брань. Тогда я сказал: «Ради Бога, что мы, в Вавилоне, что ли? Здесь каждый свою песню тянет. Можно ли представить себе большой беспорядок?» (Коменский 1982, 1, 83-84).

⁷ Исчерпывающую характеристику мира как рынка Коменский дает в трактате *Единственно необходимое*: «Весь свет есть рынок, наполненный разными товарами и людьми, которые эти товары продают, покупают и рассматривают. И редкие среди них способны отличить нужное от ненужного. Выставляют, хвалят, продают и покупают все подряд – доброе и негодное, нужное и излишнее, полезное и вредное, дорогое и дешевое. И над чем следует более всего даваться диву и скорбеть, так это над тем, что обычно предлагают, расхваливают, продают и покупают не необходимое, а излишнее, не полезное, а вредное, не доброе, а негодное» (Коменский 2000, 214).

Странник видит, что люди живут как будто с закрытыми глазами, в непрестанных, изнуряющих и мучительных заботах о мелочах. Сердце его разрывается от жалости к ним. *Лабиринт света* продолжает традиции христианской литературы, представляя жизнь человека как странствие, подобное странствию в лабиринте⁸.

Образ лабиринта занимает центральное место и в позднем трактате Коменского *Единственно необходимое*:

...весь мир есть один большой лабиринт, состоящий из бесчисленных малых лабиринтов, так что нет такого смертного, который бы не бродил по какому-либо лабиринту, а бывает и так, что человек бродит сразу по нескольким (Коменский 2000, 219).

В этом трактате автор обосновывает необходимость непрерывного образования «человека любого возраста, будь то муж или жена, и любого состояния или положения», поскольку в любом человеке есть «одни лишь лабиринты». «Есть свои лабиринты у юношей и свои у старцев, и от них не избавятся ни мужи, ни жены» (Коменский 2000, 220).

Условием «счастливой старости» является умение выйти из этих лабиринтов с помощью «искусства из искусств». Оно заключается в «умение предпочитать необходимое несущественному и полезное вредному» (Коменский 2000, 234). Это искусство позволяет выбраться из бесконечных лабиринтов вещей, созданных людьми и управляющих ими. Пренебрежение этим искусством ведет человека

⁸ Вот слова Августина о таких странствиях: «Душа моя странствовала среди телесных образов: «прекрасное», являющееся таковым само по себе, и «соответственное», хорошо согласующееся с другим предметом, я определял и различал, пользуясь доказательствами и примерами из мира физического. Потом я обратился к природе души, но ложные понятия, бывшие у меня о мире духовном, мешали мне видеть истину. Во всей силе своей стояла истина у меня перед глазами, а я отвращал свой издерганный ум от бестелесного к линиям, краскам и крупным величинам... Мне не давала покоя «забота о том, чтобы ухватиться за что-то достоверное,... я кружился в своих заблуждениях,... я шёл кривыми путями». (Августин 1992, 51-52, 70, 99, 106). Сопоставим эти слова с воспоминаниями Коменского о странствиях в *Лабиринте света*: «Я пропустил, сбившись с толку своим несчастным *Обманом*, центр неба и земли и дорогу, ведущую к полноте радости; и снова повели меня окольными дорогами по лабиринту света, пока мой Бог не спас меня и не привел снова на дорогу, потерянную в этом месте... Но тогда я не подумал об этом, напротив, в поисках за одним только внешним спокойствием и удобством я спешил рассмотреть свет в других местах» (Коменский 2000, 66).

в «бесконечный хаос хитросплетений, откуда уже нет выхода» (Коменский 2000, 293).

Сопоставляя мудрость человеческую и Божественную, Коменский предупреждает читателя о возможности жестокого разочарования человека, который рассчитывает в старости увидеть плоды человеческой мудрости, претендующей на то, чтобы соревноваться с Божественной мудростью в стремлении к гармоничному устройству мира, в достижении душевного покоя: «Никогда не надо рассчитывать, что в нас самих по себе на что-либо достанет сил; в то же время для Бога ничего невозможного нет» (Коменский 2000, 295). А для человека руководство к жизни состоит «в том, чтобы делать окружающим то, чего я желаю себе, и не делать им того, чего себе не желаю» (Коменский 2000, 298).

Вспоминая о многочисленных толкованиях христианства в разных конфессиях, Коменский пишет о том, что на вопрос Бога о его богословии он ответит, что верит всем сердцем каждому слову Библии. «На вопрос о том, чиста ли моя совесть, – заключает он, – я отвечу, что все в своей жизни подвергал сомнению» (Коменский 2000, 298). Эти слова относятся к «человеческой мудрости», которую автор сопоставляет с «Божественной мудростью»⁹.

«Что ответит мне тот, кого приводит в восхищение человеческая мудрость? Верно, посмеется над безумным стариком... Что ж, пусть смеется, если угодно, и моё сердце порадуется тому, что избежало ловушек» (Коменский 2000, 298). Многочисленные «ловушки» лабиринтов жизни описаны Коменским в *Лабиринте света*. «Избежать ловушек» значило для Коменского не увлечься в конце жизни пустыми делами, «обычной и общераспространенной глупостью людской», тягостными трудами, которым нет конца, сомнениями

⁹ Вот, например, описание библиотеки – собрания «человеческой мудрости», книжного лабиринта: «Книги должны были бы служить противовесом от ошибок и руководством для человеческого ума, который сам по себе склонен к заблуждению. Однако ныне они оказались настоящими лабиринтами для тех, кто углубляется в них без благоразумного совета (или даже Ариадниной нити). Прежде всего они столь многочисленны, что даже для беглого просмотра хотя бы тысячной их части не достанет человеческой жизни. Далее, они столь разнообразны, что не найдется такого мозга, который не испытал бы головокружения от их изобилия. Поэтому исполинские горы книг скорее тешат тщеславный глаз, чем приносят настоящую пользу, и служат скорее путанице умов, нежели их образованию, и в этом их прямой вред. Поэтому ученых неучей или помешанных ученых тьма, а истинных ученых, то есть мудрецов, так мало...» (Коменский 2000, 268).

в Божественной мудрости, чрезмерного увлечения наукой, которая возводит новые лабиринты, опасно «подвергая сомнению как божественное, так и человеческое», советуя «отказаться от предубеждений относительно уже достигнутых истин и вновь подвергнуть испытанию все на свете, не допуская в качестве истины ничего, кроме того, что невозможно опровергнуть» (Коменский 2000, 221):

Здесь, где я находился среди тысячи лабиринтов, у меня возникло желание из них выбраться, среди тысяч людей, ежедневно ворочающих тысячи своих камней, – желание больше не ворочать дела, а обтесать и укрепить их на месте (Коменский 2000, 301).

Такое «укрепление» и есть основная задача «школы старости»:

Я хочу, чтобы человек ожидал себе счастья скорее от самого себя и от таких основ своих, как тело, дух и душа, а не от внешних и необязательных предметов, каковы суть пища, одежда, жилище, богатства, людская приязнь и прочие внешние обязательства жизни, которые, если ими немело пользоваться, чаще отягощают её, нежели облегчают, скорее служат препятствиями, нежели удобствами, и более вредны, чем полезны. Ибо они чрезвычайно усложняют лабиринты жизни, умножают Сизифовы камни и Танталовы заблуждения (Коменский 2000, 244).

Автор наметит цели и средства своей философии и педагогики во *Всеобщем совете*, в разных частях которого упоминается «школа старости» в целостном контексте жизни человека. *Пампедия*, четвертая часть *Всеобщего совета*, издана с обширными комментариями в Англии (1986), Испании (1992), Италии (1993), Кореи (1996), России (2003), является предметом постоянного внимания отечественных историко-педагогических исследований последних десятилетий (Б. М. Бим-Бад, М. В. Богуславский, Э. Д. Днепров, Г. Б. Корнетов, Г. П. Мельников и др.). Попробуем рассмотреть *Пампедию* в качестве центрального сочинения в семантическом поле триады, два других полюса которой составляют *Лабиринт света* и *Единственно необходимое*.

Коменский пишет о природосообразности этапов человеческой жизни:

Как каждая часть дня и года делится на малые части и соответствующие им работы, так и вся жизнь: младенчество и детство сравнимы с утром и весной, отрочество и молодость — с первой половиной дня и летом, зрелость

— с полуднем и осенью, старость — с вечером и зимой... старость... подобна декабрю, который замыкает круговорот года и всё завершает (Коменский 1982, 2, 405).

Он различает три класса (три ступени) школы старости: в первом человек вступает в зрелый возраст, во втором — продолжает дело своей жизни, в третьем — ведет к завершению свое «жизненное дело» (Коменский 1982, 2, 451). Среди «методов» школы старости Коменский выделяет «*внутренние монологи*» (курсив мой — С. М.)¹⁰ и подчеркивает, что «не идти вперед — значит отступать!» (Коменский 1982, 2, 453). Неустанный труд, движение вперед, постоянное стремление к добру и благу он считает основой долголетия¹¹. Коменский заключает:

Старость — последняя часть человеческого века, клонящаяся к закату и соседствующая со смертью. Что и она тоже школа и что старики тоже должны подчиняться законам совершенствования, ясно из следующего. Во-первых, вся наша теперешняя жизнь — низшая школа, где мы готовимся к академии вечности; но старость есть часть этой жизни; следовательно, она часть школы; следовательно, она — школа; следовательно, она должна иметь своих наставников и свои правила, свои уроки и задания, свою дисциплину, чтобы и для стариков продолжение жизни было продвижением вперед (Коменский 1982, 2, 451).

¹⁰ «Внутренним монологам», вниманию к внутреннему миру Коменский противопоставляет стремление к успеху во внешнем мире. Исключительно на него ориентированы многочисленные герои *Лабиринта света*: «Иные, как я заметил, ничего другого не делали, кроме как переодевались, подражая всё новой и новой моде, другие выдумывали новый способ постройки, а затем снова бросали; все брались то за одно, то за другое, и все оставляли, притом с какой — то неутомимостью» (Коменский 1982, 86). «Внутренние монологи», которые Коменский считает основным методом учебы в «школе старости», призваны, говоря словами современного автора, обнаружить «существование внутреннего пространства — нашего внутреннего мира, о котором мы раньше не имели представления... если им пренебрегать, этот внутренний мир не выдержит веса событий и нагрузок, которые давят на него» (Макдональд 1998, 13).

¹¹ «Основа долголетия — не праздная жизнь, а неустанный полезный труд. В самом деле, ленивому всё ночь и сон, трудолюбивому — день и бодрствование; безделье гроб для живого человека, поэтому праздный подобен мертвому» (Коменский 1982, 2, 451). Этот труд, по его мнению, должен быть направлен в старости не столько на стремление совершенствовать внешний мир, сколько на сохранение мира внутреннего, достижение «рая сердца».

Особенно важно, по его мнению, осознавать каждому человеку, что «школа старости» призвана преодолеть не только телесную, но и душевную дряхлость, «особые пороки и нравственные недуги», свойственные старикам, «помрачение памяти и ума и ослабление воли»:

...недаром один мудрый человек сказал: «Положение человека в тяжелой этой жизни таково, что не только тело, но и душа стареет, нуждаясь в повседневном подкреплении и лекарстве. Мы видим, что пренебрегающие этим к старости превращаются чуть ли не в животных (Коменский 1982, 2, 451) ¹².

К душевной дряхлости, по мнению Коменского, ведут внутренние разлады, нарушающие душевный покой: необходимо, «чтобы всякий человек в глубине своей души стал поистине единым без всякого разлада с самим собой» (Коменский 1982, 2, 461). Для преодоления этого разлада желательно, чтобы «первым и надежным началом возрождения стала бы очистка родника чувств, источника интеллекта и ключа воли от всякой грязи, лени, предрассудков и злого упрямства» (Коменский 1982, 2, 461).

Обоснование необходимости непрерывного образования, ориентированного на всю жизнь человека в её целостности, является одной из причин, по которым *Пампедия* рассматривается в качестве фундаментального труда, не уступающего по значению *Великой дидактике*, и даже в качестве «главного сочинения Комениуса по педагогике» (Нипков 2007, 6).

Подведем итог.

Обращение к «школе старости» Коменского выявляет фрагментарность научно-педагогических представлений о непрерывном образовании, которое часто устраняется от целостного исследования жизненного пути человека. Методологический принцип троичности позволяет рассмотреть особенности рационального (*Пампедия*), эмоционального (*Лабиринт света*) и интуитивного (*Единственно*

¹² Состояние тела и души человека в болезни и старости – онтологически обусловленный предмет постоянного внимания современной «заботы о себе», во многом продолжающей традиции «школы старости» Коменского. Рассуждая о *хрупкости* человеческого бытия, об уязвимости тела и уязвимости души, о телесных и душевных печалях и переживаниях, которые «инъецируют душу и поступательно тратят жизненную энергию, Л. Мортари заключает: «Есть боль, которая рождается в плоти, и боль, исходящая из души, но они редко остаются разделенными: одна переливается в другую, заполняя различные уровни бытия» (Мортари 2016, 30).

необходимое) аспектов знания человека о себе, о Боге и о мире, их соединение по принципу дополнительности. Современной педагогической антропологии ещё предстоит исследовать эти процессы применительно к «школе старости», восприятие которой в социокультурном контексте современного мира приближает Коменского к нашему времени, к конкретным реалиям жизни современного человека, выявляет связь непрерывного образования, образования взрослых, с личной судьбой и социализацией людей «третьего возраста», количество которых непрерывно возрастает¹³.

Уже в *Предвестнике пансофической мудрости* Коменский утверждает, что образование призвано прежде всего «приходить на помощь серьёзным жизненным задачам». В полной мере это относится и к «школе старости», задача которой – сохранение и укрепление внутреннего мира человека – «единственного места, где мы можем почерпнуть силы, чтобы смело встретить и даже победить любую внешнюю бурю» (Макдональд 1998, 24). Забота о сохранении внутреннего мира, «рая сердца», жизненно необходима человеку: в наше время, как и во времена Коменского, «мир полон ненормальных явлений, в борьбе с которыми оказываются бессильными и государственные власти, и служители церкви» (*Великая дидактика*, VII, 6).

К традициям «школы старости», призванным преодолеть разобщенность поколений, отчуждение людей, их социальную изоляцию, обращаются также авторы современных сочинений, в поисках вечного вопроса о выходе из «лабиринта света» в «рай сердца»:

«Когда внутренний мир оказывается в пренебрежении, – утверждает современный автор, – человек перестает быть господином самому себе» (Макдональд 1998, 13). Люди «становятся жертвами идей и систем, разрушительных для человеческого духа и человеческих взаимоотношений. Они становятся жертвами, потому что не научились думать самостоятельно... Они начинают зависеть от мыслей и мнений других людей. Вместо того, чтобы иметь дело с идеями и проблемами, они живут жизнью, полной правил, инструкций и готовых программ» и слишком поздно начинают понимать, что

¹³ Согласно заключению Второй Всемирной ассамблеи ООН по проблемам старения населения, возможность обеспечения лицам «третьего возраста» активного участия в культурной жизни общества является «глобальной социально-демографической реальностью, затронувшей весь мир во всех аспектах его существования: традиционно-национальном, финансово-экономическом, политическом, нравственно-этическом» (Герокова 2008, 10).

«развитие и сохранение сильного внутреннего мира – единственная важнейшая функция нашего существования» (Макдональд 1998, 111).

Эта мысль перекликается с рассуждениями Коменского:

Причина всех происходящих в мире бед одна: то, что люди, не отличая необходимое от несущественного, упускают первое и заняты неизменно вторым, ему постоянно предаваясь и в него погружаясь... они любопытны к мелочам, в которых нет ничего, сулящего счастье, и безразличны к вопросам жизни и спасения (Коменский 2000, 225–226).

Особое место «школы старости» в наследии Коменского все чаще становится предметом пристального внимания современных комениологов:

Я – уже пожилой человек, и меня самого восхищают особенно «школы старческого возраста». Обращение с пожилыми людьми, количество которых в обществе становится все больше, является пробным камнем нашей человечности. Коменius дарит читателю большое утешение (Нипков 2007, 9-10).

Традиции «школы старости», заложенные Коменским в *Лабиринте света*, *Пампедии* и *Единственно необходимом*, продолжают в европейской и отечественной педагогике, наглядно иллюстрируя человечность, «сердечность»¹⁴ его педагогической системы и обращая внимание исследователей к поиску ответов на вечные вопросы о жизни человека, её цели и предназначении.

¹⁴ В частности, эти традиции продолжают в междисциплинарных исследованиях концепции «заботы о себе» («Seelsorge»), в современной «педагогике сердца» (А. А. Лебеденко), называющей *Лабиринт света* Коменского первым в ряду «специальных произведений», заложивших фундамент этого направления в воспитании и образовании. Г. Макдональд пишет о «саде» внутреннего мира. Эта метафора явно перекликается с «раем сердца» Коменского: «Сад нашего внутреннего мира нельзя надолго оставлять неухоженным... Оставленный надолго без внимания, он становится больше похожим на свалку, чем на сад. И тогда нам приходится полагаться на внешние источники силы и руководства, чтобы продолжать двигаться вперед... Ежедневно мы должны выполнять огромное количество дел, и все они требуют от нас преданности и сил. Нас толкают и тянут в тысячу разных направлений, просят принять решения и дать оценки, вложить наши средства и наше время... необходимо возвращаться к неизменному Центру», чтобы «получить поддержку» (Макдональд 1998, с. 197, 210, 212).

ЛИТЕРАТУРА:

- Августин Аврелий: *Исповедь*. Москва 1992.
- Баранцев Рэм: *Становление тринитарного мышления*. Москва – Ижевск 2005.
- Герокова Жанна: *Образование лиц «третьего возраста»*, «Педагогика» Москва 2008, № 4, с. 3–10.
- Коменский Ян Амос: *Избранные педагогические сочинения в 2 т.*, под ред. А. И. Пискунова [и др.]. Москва 1982.
- Коменский Ян Амос: *Единственно необходимое*, в: *Лабиринт света и рай сердца*. Москва 2000, с. 213–304.
- Макдональд Генри: *Как упорядочить свой внутренний мир*. Санкт-Петербург 1998.
- Марчукова Светлана: *Троичность в методологии современного образования: историко-педагогический аспект проблемы*, в: *Известия Южного федерального университета. Педагогические науки*. Ростов-на-Дону 2013, № 9, с. 58–72.
- Мортари Луиджина: *К истокам заботы*, в: *Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры». Материалы международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г. В. Иванченко (1965-2009)*. Под ред. М. А. Козловой и В. Г. Безрогова. Часть 1: *Постоянство пребывания с собою*. Москва 2016, с. 11–32.
- Нипков Карл Эрнст: *Иоганн Амос Коменсус и его значение для современной педагогики*, в: *Наследие Яна Амоса Коменского в контексте проблем современного образования: материалы международной научно-практической конференции*. Санкт - Петербург 2007, с. 5–11.
- Шадель Эрвин: *Пансофия Коменского как гармоничное единство познания мира, себя и Бога*, в: *Картина мира: наука, философия и религия: Материалы международной научно-практической конференции*. Санкт-Петербург 2009, с. 13–30.
- Эко Умберто: *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*, перевод с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. Санкт – Петербург 2006.
- Bibliotheca Trinitariorum. International Bibliography of Trinitarian Literature. Ed. By E. Schadel. Muenchen e.a. 1984, v.1, 624 p., 1988, v. 2, 594 p.*
- Cipro Miroslav: *Wisdom as a complex education aim in Comenius's Concept*, in: *Symposium Comenianum 1986 : «J. A. Comenius's contribution to world science and culture»*, Českosl. akademie věd, Ped. ústav Jana Amose Komenského. Prague 1989, p. 123–128.
- Treml Alfred Karl: *Die utopische und reale Dimension in den Schriften des Johann Amos Comenius*, in: *Comenius und der Weltfriede. Deutsche Comenius-Gesellschaft ; Hrsg. Werner Korthaase, Sigurd Hauff, Andreas Fritsch*. Berlin 2005, s. 858–873.

- Hager Fritz–Peter: *Three theories of Preparatory Education in Plato, Comenius and Rousseau*, in: «*Why should we teach history of education?*», ed.: Kadria Salimova, Erwin V. Johanningmeier. Moscow 1993, p. 155–164.
- Schadel Erwin: *Die ternare Pansophie des Johann Amos Comenius (1592–1670) als Korrektiv fuer neuzeitlichen Indifferentismu*, in: *Salzburger Jahrbuch für Philosophie*. Salzburg, München 2003, 48, s. 69–98.
- Schaller Klaus: *Johann Amos Comenius : ein pädagogisches Porträt*. Weinheim [etc.]: Beltz 2004.
- Schmid Herta: *Comenius' pädagogische Theorie im Vergleich mit Thomas von Aquin und Aurelius Augustinus*, in: *The Legacy of Johannes Amos Comenius to the culture of education : intern. conf., Prague, Nov. 15th–17th, 2007 : abstr. of papers / Ped. Museum of J. A. Comenius*. Prague 2007, p. 25.